

ПИСЬМА Ю.М. ЛОТМАНА

Б.Ф. Егоров

Когда выдающийся человек уходит из жизни, он уносит с собой целые миры знаний, идей, чувств. Значительная часть этих миров не восстановима, она исчезает вместе с их владельцем. Но какие-то частицы сохраняются в памяти и записях окружавших его; поэтому так важны публикации дневников и мемуаров ближних, записей докладов и лекций, осуществленных учениками и коллегами. Юридически, фактически наиболее точны и достоверны тексты самого автора. Из них наиболее значительное – труды, предназначавшиеся для обнародования. Однако иногда не менее значительны черновики и не вошедшее в печатные книги и статьи.

А еще важно и личное, сокровенное, может быть, совершенно не предназначавшееся для печати: письма, дневники, мемуарные записи, рисунки. В них раскрываются глубинные черты личности, иногда тайные, неожиданные. Эти черты могут в совершенно новых ракурсах осветить печатное и публичное. Если применительно к представителям точных и естественных наук еще можно говорить о принципиальном отделении личности исследователя от изучаемого объекта и от описания этого объекта, то о гуманитариях подобное сказать невозможно: всегда личность будет проникать в соответствующий текст, всегда будет освещать объект неповторимо уникальными лучами индивидуального подхода.

Поэтому так важно знать не только печатные или рукописные тексты, подготовлявшиеся для обнародования, но и то, что стоит за ними – неповторимую личность автора. Особенно, если этот автор – не массовое явление, а яркий уникум.

Существуют разные взгляды на сокровенное, интимное в жизни и творчестве выдающихся людей, да и сами они по-разному относились к этой проблеме. Пушкин считал, что далеко не все в наследии гения следует передавать потомкам. Неизвестно, говорили ли на эту тему супруги, но Наталья Николаевна, сохранив, слава Богу, письма

Пушкина к себе (но все ли сохранила?), уничтожила свои письма. И сколько таких сознательных ликвидаций мы знаем в истории! Н.Г. Чернышевский чрезвычайно бережно сохранял дневники Н.А. Добролюбова: например, есть там дырочка от шила или иголки, обведенная кружком (чернилами), а рядом соседствует надпись Чернышевского, что эта дырочка – не добролюбовская, а его: он прошивал листы дневника и сделал лишний прокол; но тем не менее, Чернышевский варварски вырвал и уничтожил несколько листов добролюбовского дневника с интимными записями.

Таким цензурным или косметическим воззрениям противостоит точка зрения философа „общего дела” Н.Ф. Федорова, считавшего, что нужно сохранять для потомков каждый созданный человеком предмет и каждую бумажку с любым текстом. Понимая, что практически подобное невозможно осуществить – люди не обладают столь обширными помещениями, – я однако склоняюсь именно к федоровскому идеалу. Нам не дано знать, что нужно будет потомкам из нашего наследия – и следует максимально облегчить им работу, обеспечив свободу выбора, максимально сохранить им наши материалы.

Я отвергаю также предостережение, что далеко не все из личной жизни выдающихся людей должно раскрываться публично, что будет проявляться нездоровый интерес низменной публики к сложному и негативному в характере и поступках человека и т.п. Это напоминает мне страхи и запреты советских руководителей: упаси боже, если о наших недостатках узнают за рубежом и проч., и проч.

Примитивные и нездоровые интересы не остановить запретами, при запретах подобный интерес лишь будет подогреваться и обрастать фантастическими домыслами, мифами. Считаю, что история должна знать все, что только можно, о людях прошлого. Ничего нельзя скрывать от истории. Другое дело, что пока живы люди, о которых наш автор мог выразиться отнюдь не в розовых тонах, – следует воздержаться от полной публикации соответствующих текстов.

Круг интимных, не предназначавшихся для печати произведений был до 1917 года достаточно велик в русской интеллигентской культуре: очень многие писали дневники и воспоминания, не говоря уже об обилии писем и об

обильных текстах самих писем (например, некоторые письма В.Г. Белинского объемом в 30-40-50 страниц – целые философско-психологические трактаты). Распространение телефонов значительно сократило объем и количество писем, но еще больше сократили объемы всех интимных текстов ГПУ-шные, НКВД-шные, КГБ-шные акции: стало опасно фиксировать мысли и сведения, они могли повредить автору и его ближним при арестах.

Вообще стало опасно переписываться: по обратным адресам могли привлечь к следствию еще целые когорты совершенно ни в чем не повинных людей. Известный ленинградский академический ученый-африканист Д.А. Ольдерогге признавался мне, что один его друг, начиная с 1930-х годов систематически сжигает все получаемые им письма, даже новогодние поздравительные открытки...

В послесталинское время и писем стало больше, и даже к дневникам и воспоминаниям люди вернулись, но опыт предшествующих лет висел над душами, и далеко не все в дневниках и письмах освещалось.

Ю.М. Лотман, целиком посвятивший себя науке и преподаванию, дневников не вел, мемуаров не писал, за исключением нескольких отрывков, созданных незадолго до кончины (хотя памятью обладал гениальной: он, провоевавший на передовой все четыре года страшной Отечественной войны, помнил день за днем – прямо как в мозговом дневнике! – события тех лет, вплоть до названия всех сел и деревень). Писем он тоже не любил, отвечал нерегулярно, чаще всего – глубокой ночью, под утро, когда глаза слипаются, а голова уже отказывается работать в научном направлении. На столе его возвышалась необъятная гора писем и бандеролей, требующих ответа. Ю.М. часто наугад – то из низов, то из середины, то сверху горы – брал что-то присланное и отвечал, отвечал... Приходилось отвечать письменно, так как телефон ему поставили лишь в середине восьмидесятых годов, а с заграницей и тогда не было автоматической связи, и тоже письма преобладали над телефонными разговорами.

Следует еще учитывать рыцарственный, отдающий себя другим характер ученого, поэтому, входя в противоречие с нелюбовью к письмам, желание помочь ученикам,

коллегам, знакомым, желание поделиться настроениями и оценкой событий с ближними – стимулировали создание интереснейших писем.

Поэтому чем богато рукописное наследие Лотмана, помимо текстов научных книг и статей, – это письмами. Я знаю по крайней мере шесть крупных комплектов писем. Наверное, реально их значительно больше – и задача родных и друзей ученого выявить и сохранить оставшиеся тексты: пока это будет относительно „закрытым” достоянием частных и государственных архивов, а затем, надеюсь, мы доживем до полного собрания сочинений Лотмана, включающего в себя и письма.

Самые ранние хронологически комплекты – это письма к родным, т.е. к родителям и сестрам (около 100; ныне хранятся у племянницы Ю.М. Наталии Юрьевны Образцовой) и к Ольге Николаевне Гречиной, сокурснице по Ленинградскому университету (около 20). Оба комплекта начинаются с 1939 года, когда Ю.М. был призван в армию, и содержат ценные сведения о предвоенной армейской жизни на Украине и в Грузии, о круге чтения и даже о серьезных филологических акциях (на Украине – сбор фольклора, в Грузии – изучение местного языка). Затем следует большой массив писем военных лет, где очень много материала о солдатском быте, о психологических трудностях „оккупантской” жизни в Германии. И всюду в военных письмах – опять же о круге чтения, о штудировании французского и немецкого языков (Ю.М. даже выступил в качестве стихийного переводчика, когда нужно было помочь не знающим немецкого бывшим французским военнопленным добиться у немецкой администрации возможности вернуться на родину). Затем, после демобилизации в 1946 году эти письма прекращаются (Ю.М. демобилизовался и вернулся учиться в Ленинградский университет) и возобновляются после 1950 года, в связи с переездом Ю.М. в Тарту. К письмам к родным с 1960-х годов прибавляются еще письма к племяннице Н.Ю. Образцовой.

Следующие четыре комплекта писем, более подробно освещающие тартуский период жизни Ю.М., чем два первых, это – письма ко мне (1958-1993, около 250 писем), к послевоенной сокурснице по Ленинградскому университету

и другу Фаине Семеновне Сонькиной (1968-1993, около 200 писем) и ее дочери М.В. Колокольниковой, филологу и журналисту (1977-1991, 9 писем), академику В.Н. Топорову (1963-1993, 19 писем), коллеге по кафедре П.А. Рудневу (1967-1982, 15 писем). Последние два комплекта, а также письма к М.В. Колокольниковой, посвящены, главным образом, научным темам; в некоторых письмах содержатся как бы конспекты предлагаемых разработок и статей.

Мой комплект – самый большой из известных. Он содержит изумительное обилие тем и сюжетов. Прежде всего – это кафедральные дела. До 1962 года я еще заведовал кафедрой русской литературы, да и после был тесно связан с ней, с издательской работой по выпуску *Трудов по русской и славянской филологии* и *Семиотики*, по организации и проведению научных школ и конференций.

Но главные темы и сюжеты писем – деяния самого Ю.М., его научные и философско-житейские воззрения, работа над книгами и статьями, зигзаги настроения, состояние здоровья, мужественная борьба с недугами. Все это – незаменимый материал для понимания личности ученого. Некоторые письма Ю.М. представляют собой замечательный комментарий к его научным работам, например, письмо от октября 1986 года является существенным дополнением к книге о Пушкине.

В письмах к Ф.С. Сонькиной затронуты почти все те же темы, разве что в них меньше чисто кафедральных сведений. Зато в них больше описания чувств, настроений, различных душевных состояний. Я имел счастье получить от адресата (ныне Ф.С. Сонькина, бывшая работница Всесоюзной Книжной палаты в Москве, проживает в Канаде) ксерокопии 89 писем Ю.М., по сообщению адресата – самых ценных и содержательных из всего комплекта. Эти письма лишь с небольшими купюрами могут и ныне готовиться к публикации.

Большинство писем ко мне также вполне может быть опубликовано. Желательно, чтобы и другие адресаты и наследники адресатов серьезно отнеслись к письмам Лотмана как к будущим напечатанным документам эпохи и уже сейчас занялись бы подготовкой к публикации. Важно не только заниматься нахождением и копированием писем, но и своевременным их комментированием: ведь многие

намекы в письмах требуют расшифровки, а люди, знающие факты, увы, не вечные, и пока они живы и пока их память свежа, нужно именно сейчас заниматься расшифровкой намеков и сокращенных реплик, рассчитанных на знающего события и лица.

Несмотря на абсолютную честность Ю.М. и бесстрашную открытость его характеристик, все же опасность перлюстрации витала над нашей перепиской в советские годы, и все, что касается социально-политического фона тех лет или вообще выносилось за пределы писем или излагалось эзоповым языком: такое тоже нуждается в комментировании.

Кстати, для будущих исследователей писем Ю.М. эзопов язык – очень интересная и широкая тема. Как и вообще стиль писем Ю.М. в целом. Он ведь не совсем адекватен стилю его научных трудов: он более живой, раскованный, в нем много художественных и публицистических аспектов, отсутствующих в научных текстах, больше переходов и оттенков, от научно-логических мыслей до веселых каламбуров и фантазий.

Призываю всех не выявленных еще владельцев писем объявиться и объединиться для обмена информацией и для подготовки писем к будущим публикациям под эгидой наследников и редколлегии полного собрания сочинений ученого.

Очень рад, что мои предыдущие призывы относительно писем Лотмана увенчались значительным успехом: мне прислали копии писем Л.Н. Столович, Б. Жилко, Д. Кираи, А. Ковач, М.А. Красноперова. Обещает разобрать в своем архиве большой комплект писем Б.А. Успенский.

Я не касаюсь здесь весьма важных областей и текстов: во-первых, телевизионных и радиозаписей бесед и интервью Ю.М. Лотмана и, во-вторых, его рисунков. Обе области требуют специального изучения, хотя сохранность соответствующих текстов тоже должна быть обеспечена максимально.